

УДК 910.2(262)
ББК 26.89(9)
М17

Максимов, Анатолий Борисович.

М17 Атлантида, унесенная временем / Анатолий Максимов. —
Москва : Алгоритм, 2017. — 464 с. — (Исторические открытия).

ISBN 978-5-906947-06-2

«И вот Зевс... помыслив о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, решил наложить на него кару...» — так заканчивается повествование Платона об Атлантиде — цивилизации, тайна которой притягательна своей ускользающей неразгаданностью... Когда и где она процветала? Как погибла? Возможно, ее существование — лишь плод воображения античного философа? Как толковать свидетельства древних? Задавшись этими вопросами, автор вместе с единомышленниками отправился в морскую экспедицию. Путешествие, начавшееся в крымском Судаке и завершившееся вблизи берегов Санторина и Крита, увенчалось рядом удивительных открытий, о которых и рассказывается в этой книге.

УДК 910.2(262)
ББК 26.89(9)

ISBN 978-5-906947-06-2

© Максимов А.Б., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Максимов Анатолий Борисович

АТЛАНТИДА, УНЕСЕННАЯ ВРЕМЕНЕМ

Редактор *Н.В. Мезина*

Художник *И.М. Хотич*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.03.2017.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906947-06-2

9 785906 947062 >

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
---------------------	---

ЦЕНА РИСКА — ЖИЗНЬ

Опасный свидетель	9
Дела неветеранские...	13
Побег в неизвестность	31
В открытом море	39

«СЛУЧАЙНАЯ СЕМЕРКА»

У камня русской славе	65
София, Шипка, Габрово...	99
Встреча с другом детства	116
Сердца пятерых	125

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ЦЕЛИ

«Бумажный поиск» Атлантиды	132
Курс — на Босфор	146
Троя и... Русь?	152
Едва ли это Атлантида...	164

«РУССКОЕ» СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Двести лет памяти	180
Под флагом России	201
По следам «птенцов гнезда Петрова»	210
Потомки атлантов — русские этруски	237
Прыжок в Альпы	258
Равенна — часть Венеции	279

ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ АТЛАНТИДЫ

Нет непознаваемого — есть непознанное...	283
Знания «ниоткуда»?	311
«Неблагодарная память потомков»	320

ДВА РЕАЛЬНЫХ ПРЕТЕНДЕНТА

Хроника «известных» катастроф	345
Парадокс двух Атлантид	355
Санторинская «Помпея»	370
«Бунт» по поводу трех «альтернатив»	388
Когда непохожее — похоже...	399

ВРЕМЯ РАССТАНОВКИ АКЦЕНТОВ

Триада «доказательств»...	412
Последние заседания клуба	438
На перепутье личных дорог...	443
В жизни раз бывает?..	451
Послесловие	461

ОТ АВТОРА

Описанные события случились в тревожные для нашего Отечества девяностые годы. Тогда в судьбу семерых людей вмешался господин Великий Случай.

Случай помог троем из них избежать смертельной опасности и сподвигнул их на удивительные личные открытия в области, где все уже давно, казалось бы, открыто на «вспаханном поле» феномена, возникшего то ли 12 000 лет назад, то ли только 3 500. И вот по следам этого феномена — полупегенды-полуправды — прошли люди разного возраста и разного профессионального опыта, но объединенные одной навязчивой идеей.

Автор описал попытку выдвинуть и обосновать еще одну гипотезу в адрес ... Но лучше вы, дорогой читатель, разберетесь в этом сами, прочитав об этих необычных событиях в жизни «Случайной семерки».

Одно хотелось бы сказать: этому повествованию предшествовало многолетнее увлечение автора другим феноменом (1908 года) с собственной нетрадиционной гипотезой его происхождения. Речь идет о Тунгусской катастрофе в авторском научно-популярном издании «Никола Тесла и загадка Тунгусского метеорита». Опасаясь быть нескромным, все же скажу: книга о «Тунгусе» выдержала четыре тиража общим объемом в 20 000 экземпляров.

И вот теперь предлагается рассмотреть нетрадиционный взгляд на платоновскую Атлантиду и возможное описание древнегреческим философом ее аналога в центре Средиземноморья...

И поможет в этом читателю коллективное расследование в результате 70-дневного посещения «атлантидных мест» экипажем шлюпа «Аквариус» на маршруте в 10 000 километров — под парусом, немного в микроавтобусе и совсем чуть-чуть на самолете.

ЦЕНА РИСКА — ЖИЗНЬ

Опасный свидетель

Голос ревущего моря доносился во все уголки дома. Дребезжали стекла окон, порывы ветра проникали под кровлю и шуршали там засохшими листьями. Струи дождя хлестали по окнам деревянной террасы, на которой мы трое лежали, и даже полудремота не могла заглушить наши тревожные мысли.

— Решайтесь, ребята! — шепотом промолвил я, старший из нас по возрасту. — Или сегодня, или...

Двое других, молодой человек и девушка, поняли меня с полуслова. Второе «или» означало для всех нас вопрос жизни и смерти. Ведь уже дважды ослушались они приказа Рыжебородого. Дважды оставили в живых меня — единственного свидетеля расправы главы доморощенной мафии в крымском Судаке над удачливым коммерсантом-рекупщиком...

...Несколько лет назад, в феврале, я побывал в Судаке и договорился с местной мэрией о моем переезде в этот древний город на постоянное жительство. А это означало, что я должен был уйти на пенсию. В Москве я подал рапорт на увольнение со службы, назначив дату — 23 августа.

Но это был не простой август, а август 1991 года! В тот день, когда ГКЧП объявило о чрезвычайном положении в Союзе, мой рапорт был подписан.

Стремительный развал Советского Союза превратил Крым в вотчину Украины, а сама эта бывшая республика стала для меня ближним зарубежьем. Украинские националисты начали травлю всего русского, намереваясь на этой волне объединить свой народ на основе «самостийности» — якобы истинной самостоятельности и независи-

мости. Их просчет в конфронтации с Россией дорого обошелся украинцам — страна обнищала.

Теперь возможности поселиться в Судаке у меня уже не оказалось, ибо мэрию возглавили ярые националисты. Русскому человеку стало трудно найти место в этом городе, а тем более работу.

Судьба свела меня в Крыму с моим старым товарищем по военной контрразведке, с которым мы, морской набор, вместе учились в тбилисской спецшколе. Он рано ушел в отставку и поселился в Судаке, а до того работал военпредом на судостроительном заводе в Феодосии. Его мечтой было поселиться в Крыму, построить яхту и избороздить Черное море. Удалось ему исполнить только два желания: жить на крымской земле и иметь яхту. Завод пошел ему навстречу, выделив материалы, а строителей он нанимал сам. Потеряв в двадцать восемь лет жену, мой друг жил одиноко.

Третье желание исполнить не удалось: по приезде в Судак у друга обострилась застарелая болезнь сердца, и через полгода он скоропостижно скончался. Это случилось в очередном феврале, когда я наездами бывал в Судаке.

До последней минуты я был с другом. Его родные жили на другом краю страны — во Владивостоке, и старым людям трудно было выехать в столь далекий Крым. Дом в Судаке друг снимал, и в нем я останавливался, а яхта, в ожидании дальних путешествий, стояла у причала клуба подводного плавания «Дельфин» под охраной местного сторожа.

Друг понимал, что яхта останется бесхозной, и, зная мою страсть к морю, настоял на том, чтобы она оказалась в моих руках.

— Друг Максим, я подписал у нотариуса все необходимые бумаги — владей яхтой «Кафа» и исполни мою мечту... Борозди море... А «Кафой» я назвал ее в честь нашего любимого с тобой древнего города Феодосия, известного тысячи лет назад под именем Кафа...

Слышать это было больно, и мои попытки вселить в него надежду на возвращение к жизни заставляли друга

только тихо улыбаться. Обычно в момент таких разговоров он погружался мыслями в свой мир. Мир человека, приблизившегося к последней черте.

Я обещал выполнить волю умирающего и внутренне поклялся самому себе, что поставлю другу достойный памятник. И выполняя это обещание, я познакомился с личностью, которая скрывала свою натуру — мафиозное лицо.

Рыжебородый охотно помогал мне найти в горах и перевезти на местное кладбище камень-валун редкой сероголубой окраски. Он же нашел резчика, который выбил на камне надпись. Так уж случилось, что Рыжебородый много времени был рядом со мной, участливый и полезный. Что-то меня в нем беспокоило: какая-то нерусская сдержанность, более похожая на затаенную угодливость ради возможной выгоды. Но какой?

* * *

Чтобы понять, почему я, капитан первого ранга в отставке и сотрудник разведки госбезопасности, решил покинуть Москву и оказаться именно в Судаче, нужно заглянуть в мое детское прошлое, начав с лета сорок пятого года.

В то лето моя семья — мама и папа, младший брат и я — пересекли страну от Полярного Урала до Черного моря. Мы приехали в Феодосию в дом моего дедушки, с сорокового года проживавшего в этом городе. Здесь я увидел впервые море, проникся к нему всей душой. Познакомился с картинами великого певца моря Ивана Айвазовского и чуть не стал учиться на художника, вовремя поняв, что это не мое призвание. Но тяга к рисунку и особенно к акварели осталась на всю жизнь.

Город был закрытым для свободного посещения, ибо был военно-морской базой флота. На пляже я познакомился с местным пацаном моего возраста, отец которого командовал военным тральщиком. Это его постукивание двигателя слышали жители во всех уголках города, когда он разминировал от фашистских мин феодосийскую бухту.

Ведь немцы покинули Феодосию лишь год назад, в апреле сорок четвертого.

Пацан с интересом слушал мои рассказы о Крайнем Севере, его тайге и снежных зимах. Вот о чем я не рассказывал ему, так это о заключенных, которые в великом множестве находились в лагерной зоне нашего городка Ухта. Как-то я рассказал ему о моей поездке с отцом в партию по геологоразведке нефти и газа. Тогда мой новый товарищ заметил, что на днях отец берет его с собой на тральщик, идущий в базу под Севастополем.

— Слушай, Максим, — возбужденно сказал он, — я упрощу отца взять и тебя... Может, удастся уговорить?

Как ни странно, удалось. И вот мы с ним стоим на подрагивающей от работы двигателей палубе боевого корабля, резво огибающего высокий мыс Святого Ильи. Курс наш был вдоль берега от мыса к мысу на запад.

Где-то часа через полтора тральщик вышел на траверз мыса Меганом в виде конуса потухшего вулкана, что в пяти километрах от Судака. Когда мы проходили мимо древнего города, я увидел на высокой скале средневековый замок. Это была знаменитая генуэзская крепость, одна из самых больших в Европе, о чем, конечно, я узнал позднее.

И вид этой крепости так запал мне в душу, что много лет, даже десятилетий, я мечтал побывать у ее стен. Однако жизнь сложилась так, что это случилось лишь в семидесятых годах.

Когда срок моей службы приближался к сорока годам, я все чаще подумывал о переселении в Крым. Семья, жена и взрослая дочь с внучкой меня в этом поддерживали. Сделал даже попытку перевестись в Севастополь, написав рапорт на имя начальника разведки.

Начальник возможность работы для меня, к тому времени опытного сотрудника, с позиции океанографического института в славном городе моряков поддержал. Но воспротивился местный, крымский начальник госбезопасности. Он заявил, что ему «для такой работы капитан первого ранга ни к чему» — он предпочитает лейтенантов.

И вот — Судак. Мне здесь все нравилось: море, горы, плавная изогнутая береговая линия, рядом Новый Свет с его тремя бухтами, крохотный городок... и генуэзская крепость на высокой скале надо всем этим благолепием. Как и в Феодосии, и везде, где есть море, все просилось на бумагу: от рисунка к кисти...

ДЕЛА НЕВETERАНСКИЕ...

В восьмидесятые годы в армию и во флот шли девушки. Чаще всего во вспомогательные службы.

Ольга с детства мечтала о море, флоте, морской форме... Слишком многое в ней было от парня, ибо она была настоящая крымская пацанка. Я таких девчушек знал еще с одиннадцати лет, когда приезжал на целое лето к деду в Феодосию. И девчонки с нашей улицы, и любая пацанка с любого конца нашего древнего города не уступала в сноровке ребятам.

Мечта Ольги сбылась — ее взяли во флот, а ее старший брат, офицер флота, помог ей оказаться в дельфинарии, расположенном в закрытой зоне Казацкой бухты Севастополя. Правда, она была лишь вольнонаемной с правом ношения морской формы.

Ольга была младшей в семье военного моряка с фронтовой биографией. От отца и брата Виктора ей досталась тяга к морской службе. Брата она обожала, уважала и по-детски любила, а со временем привязалась к нему всей душой.

И хотя бывал ее брат, капитан третьего ранга и командир подводной лодки, временами весьма строг к ней, Ольга на него долго не обижалась. Всегда признавала, правда, задним числом, его правоту. И сколько раз она была ему благодарна за то, что, даже в резкой форме, он удерживал ее от «вздорных поступков», как говорил он!

И ничего не могла Ольга с собой поделатъ, когда шла к нему за советом или просто «поплакаться в плечо». Получалось так и в пятнадцать, и восемнадцать, и даже в два-

дцать пять лет — брат был в курсе фактически всех ее «девчачьих дел», и не только их.

Она обожала его маленькую дочурку Ладу, которой о время поступления Ольги на службу во флот в восемьдесят восьмом году было всего семь лет. В общем, брат был занят на подлодке дни и ночи, а его супруга с удовольствием доверяла еще со школьных лет малышку Ольге. Раньше этого делать не получалось, так как до флота Ольга была вдалеке, в Судаке, где она училась в школе, и жили ее родители-пенсионеры.

И случилось так, что Ольга во многом повторила в себе черты характера отца и брата. Причем не только открытость в общении, но и решительность. Все это ей пригодилось во время службы в дельфинарии. Там тренировали этих смысленных морских красавцев для военных целей. Она была абсолютно уверена, что дельфины чутко понимали ее настроение и всегда старались выделить ее среди остальных. Видимо, думала Ольга, они сердцем воспринимали ее чувства и доброе внимание к ним.

Дельфинарий дал ей многое: Ольга стала отменной пловчихой, чемпионом своей войсковой части, а затем и города.

Столь полная радужных надежд жизнь Ольги, ее брата и родителей расстроилась в одно мгновение. Беловежское предательство Бориса Непредсказуемого и его подручных «коммунистических» лидеров Украины и Белоруссии в одночасье развалило великое российское государство в лице Советской России на «удельные княжества» из числа бывших союзных республик.

На Украине русские оказались иностранцами на своей собственной родине. Снова из-за недомыслия Бориса Непредсказуемого, Крым не стал частью России, его даже не попытались оставить в русской земле. А русские были отнесены к людям «второго сорта».

Россия и Украина начали делить Краснознаменный Черноморский флот — величайшую гордость мощи государства российского еще со времен Екатерины Великой,

Потемкина, флота адмиралов, в числе которых первым «черноморцем» достойно признан и по сей день Федор Ушаков...

Переговоры русских и украинских военных по разделу флота предусматривали пропорциональное деление. Причем одну подводку русская сторона в список не занесла. Это была засекреченная экспериментальная подводка особого назначения.

Естественно, украинская сторона понимала, почему эту подводку русские хотят оставить у себя. Последнее время подводка «маневрировала»: ее видели в бухтах Севастополя, но чаще всего — на рейде Феодосии и у Судака, точнее, вблизи Нового Света, в одной из трех заповедных бухт — Синей, Зеленой или Голубой.

Характерными особенностями этой дизельной среднего тоннажа подводки была ее специфическая конструкция и необычное назначение. Она имела открывающуюся носовую часть по всему диаметру корпуса для запуска всего одной ракеты, зато баллистической. Фактически подводка представляла собой стартовую «шахту» с подвижным прицепом в виде подводной лодки.

И тогда у украинских адмиралов, вчера еще ходивших под присягой и флагом советских военно-морских сил, вызрел замысел: русскую подводку тайно захватить. Причем расчет строился на том факте, что русская сторона не сможет поднять шум — ведь такая подводка в списках раздела флота просто не значится.

Особый отдел безопасности — украинской госбезопасности — работал над планом похищения подводки, ключевой фигурой которого должен был стать флотский акванавт из числа фрогменов — подводных диверсантов. Это был выходец из Карпат, ярый националист.

* * *

В силу обстоятельств, о которых будет сказано дальше, я проживал в Судаке. И находился в «свободном плавании», не отягощенный никакой официальной должностью

отставника госбезопасности. Последнее мое место работы было связано с многолетней подготовкой кадров разведки в ближнем Подмосковье.

И вот неожиданно в доме моего умершего друга появился мой бывший слушатель, а ныне сотрудник разведгруппы особого отдела украинского флота. Трагедия развала Советского Союза и ярый национализм на Украине глубоко потрясли его душу. Он понимал, что «украинский флот» не может существовать в реальности в отрыве от российского.

Он был убежден, что образец новой подлодки не должен попасть в руки Запада, в объятия которого стремились вооруженные силы Украины, надеясь быть принятыми в НАТО. Бывший слушатель пришел ко мне за советом и помощью по срыву планов похищения подлодки у русской стороны.

Вот так случилось, что «свободное плавание» привело меня снова к делам разведки, ибо информация «по делу о подлодке» немедленно была доведена до Москвы. В столице, после разгона госбезопасности, разведка была преобразована в самостоятельное федеральное ведомство с прежним названием, точнее — в службу внешней разведки.

И вот я, ветеран флота, военной контрразведки, разведки, внешней торговли и специального учебного заведения, снова вышел на тех своих коллег, с которыми работал два десятка лет в нескольких странах по разведзаданиям научно-технического характера и проникал в агентурную сеть западных спецслужб под личиной предателя родины.

Кроме того, с начала шестидесятых годов я входил в особое подразделение, глубоко засекреченное даже внутри самой разведки, — ГРАД. В Группу разведчиков активного действия меня привлек идеолог, организатор и глава НТР в предвоенное, военное и послевоенное время, по смертно ставший Героем России. О моей работе в составе ГРАДа знали только два руководящих сотрудника разведки: ее глава и мой начальник по линии НТР.

Спецификой работы в этой группе была особая привилегия, состоявшая в самостоятельной оценке оперативной

обстановки, самостоятельном принятии решений и самостоятельных действиях на грани риска.

Научно-техническая разведка от «демократической перестройки» органов госбезопасности пострадала менее других. Требование американских советников, засевших в московском Белом доме в компании Бориса Непредсказуемого, о ликвидации НТР не было выполнено. И потому в «деле с подлодкой» мне было к кому обратиться.

Правда, я не собирался раскрываться перед нынешним начальником НТР как «секретный сотрудник ГРАДа». В вопросе с ГРАДом инициатива выхода на меня происходила «сверху», и только так. Тем более после событий девяносто первого года.

В Москве мы оговорили план действий под кодовым названием «Шхуна». В «деле с подлодкой» время — фактор решающий. И я уезжал в Крым с конкретным заданием по срыву угона подлодки в украинских водах.

Мне были даны условия связи в Севастополе с вызовом на встречу агентессы «Лады», брат которой — командир именно той подводной лодки. Я получил описание «Карпа» — Богдана Брода, того самого подводного диверсанта-националиста, но не видел фото. Придется искать и фото, и его самого.

Замысел нашей разведки заключался в следующем: установив контакт с агентессой, нацелить ее на вероятное появление Карпа в окружении ее брата, войти в доверие к Карпу и попытаться уговорить его отойти от участия в угоне подлодки или... Об «или» агентесса узнает в нужный момент: это особое задание — действие по обстановке.

* * *

Поселился я в гостинице «Украина» на площади Восстания, названной так еще в честь событий девятьсот пятого года. На нее выходила 6-я бастионная улочка. Она была во время обороны Севастополя в Крымскую войну одной из самых знаменитых. На этой улице мне дали явку в доми-